

глава 11

НА ЧУЖБИНЕ

НЕЗАБЫВАЕМАЯ МЕЛОДИЯ САЗА

Азербайджанский дневник, Кифаят Кулиева, 37 лет, домохозяйка

(В отдалении слышен гул машин)

Помню, пожилые люди всегда говорили: «Родина очень сладка», но я в молодости не очень вникала в это. До меня не доходило все это, потому что я жила на своей земле, в своем доме, в своем краю. Кельбаджары был ни с чем не сравним своей природой, своими природными ценностями, просто рай. В кельбаджарской природе была тысяча чудес. И звуков было много, и разноцветных красок в Кельбаджарах. Каждый звук — это песня, каждый цвет — еще один мир любви, каждый кроткий взгляд нес в себе любовь. Оказывается, мы были счастливыми людьми, потому что жили в таком красивом месте.

Район уже постепенно опустошался. Была одна надежда на дорогу, проложенную через гору Муров. Была ситуация, про которую я не могу вспоминать без боли в сердце. И, как говорят, «волосы дыбом стояли». В последний день, когда мы уходили из дома, я хотела взять с собой саз, на котором отец еще с детства играл. В доме было много памятных вещей, ведь я потеряла мать очень рано. Только почему-то мне хотелось взять с собой фотографию матери и саз, но брат не позволил, отнял у меня саз и ударил об пол, сломал. Говорит: «Как ты будешь его нести? Не застревай здесь ради этого саза! Сестра, ты попадешь в плен к армянам, тогда мне лучше не жить на этом свете».

Как-будто я услышала последний вздох, последний крик этого саза. Я услышала звуки «Яныг Кереми».

И теперь, когда играют на сазе, я слышу звуки сломанного отцовского саза. У меня не хватило смелости, духа, чтобы забрать ту отцовскую память. На этой чужбине, живя участью беженца, каждый раз, когда звучит саз, отец расстраивается и плачет. Брат купил и принес ему новый саз. Только он не стал играть на этом сазе. Говорит: «У нас было столько шахидов, я не смогу взять в руки саз и играть на нем».

Перевод с азербайджанского

ТАНЕЦ ПРИБЛИЖАЛ МИР

Абхазский дневник, Циала Чкадуа, 56 лет, хореограф

Во время грузино-абхазской войны, я, как и многие беженцы, вынуждена была покинуть свой дом в Сухуме и поселиться в пансионате в Пицунде. Там в пансионате жили в основном семейные, с детьми до 14 лет. Когда были слышны разрывы снарядов, дети боялись, они начинали дрожать от страха. У меня сердце сжималось, когда на них смотрела, лица их были в напряжении, и никаких детских улыбок, лица серьезные, а в глазах — страх.

В тот год выпал большой снег в Абхазии. Дети не могли особенно выходить на улицу, и мы, взрослые, старались их как-то отвлечь. Музыканты играли им, кто умел вязать, учил их вязать, а я как учитель национальных танцев тоже решила обучать детей танцам. Сами понимаете, не до танцев в то время было, но больше я ничего не умела. Мне дали ключи от культзала. И я стала там заниматься с детьми из нашего пансионата. Но скоро, прослышав о наших занятиях, родители стали приводить своих детей и из других пансионатов, и даже не все желающие могли поместиться в этом зале. Я вынуждена была заниматься с ними по группам, в порядке очереди. Дети очень любили национальные танцы и сильно старались. Меня это трогало до глубины души, и я старалась всем уделить внимание.

И тогда я поняла, что как бы не было нас абхазов мало, мы сохранимся как нация, потому что маленькие дети любят абхазские танцы и все абхазское, и это придавало нам, взрослым, какую-то новую силу.

Так во время войны создан был детский танцевальный ансамбль «Абаза», и я счастлива, что могу обучать детей танцам уже в мирное время.

Перевод с абхазского

СВОЙ – ЧУЖОЙ ДОМ

Грузинский дневник

Уже десятый Новый год я встречаю тут, не в своем доме. И каждый год надеюсь, что будущий встречу у себя дома, в Абхазии. Гигоша, крестник мой, помнишь, как часто мы с тобой спорили о том, что я, может быть, никогда не смогу вернуться к себе домой? Ты знаешь, Гигоша (*смеется*), ты проиграл свой спор, потому что я была у себя дома, Гигошка! Я ходила по своим родным улицам. Подружки узнали о том, что я приехала в Пицунду, и, конечно, они часто навещали меня.

В один прекрасный день, свободный от занятий, нас повезли в Сухуми. Там встретили меня мои подружки, я отпросилась, эти несколько часов, которые мне предстоит провести в Сухуми, я провела со своими подругами (*тяжело вздыхает*). Мы поехали на машине, но я не смогла...

Когда я ехала, я себя уверила в том, что я, наверное, пробуду в Сухуми, все осмотрю, но домой, наверное, я вряд ли пойду, хотя я каждый день мечтаю о том, чтобы хоть мельком посмотреть на свой домик. Я должна была это сделать и, конечно, я попросила Найку с Майкой, чтобы они провезли меня до дома: просто взглянуть на него.

Как это было сложно! Я попросила, чтобы мы подошли ближе, чтобы просто посмотреть на свой дом, на свои окна. И когда мы подъехали к дому, я вышла, встала рядом со своим подъездом, мне очень захотелось зайти туда внутрь. А так как мои подружки живут на шестом, а я на пятом, они сказали: «Может быть, зайдем, покажешься моим родителям!» Я чуть с ума не сошла, но все равно я решила зайти туда, потому что я знаю, что я сильная. Я должна была это сделать! (*тяжело вздыхает*). Я вспоминаю, как медленно я поднималась по моим родным ступенькам, представляешь? (*смеется и плачет*). Я никогда не могла себе представить, что спустя десять лет я буду идти по ним не радостная, а со слезами на глазах.

С до боли сжатым сердцем. Я поднималась вроде в сторону дома, но на самом деле я шла в свой дом, подружки вели меня к себе в гости. Представляешь, что мне пришлось пережить! Пришлось пройти мимо своей родной квартиры, в которой сегодня живут другие люди. Они считают себя хозяевами этой квартиры. Я молила Бога помочь, чтобы не взглянуть на эту дверь, не падать духом. Но нет, не получилось...

Когда я увидела родную, мою до боли знакомую и почти не изменившуюся дверь (*эмоционально*), у меня ноги подкосились. Я упала перед ней, рыдая, нежно прикасаясь к ней, как бы жалея ее. Я ни о чем тогда не думала...

У меня возникло чувство протеста перед всем. Я буду делать все от меня зависящее, чтобы приблизить возвращение.

БЕЖЕНЕЦ

Армянский дневник

21 ноября я остался дома у моей тети, а утром мы возвращались с бабушкой. Нам нужно было пройти по проспекту Дружбы молодежи до нашего дома, и вот тогда мы впервые столкнулись с толпой агрессивно настроенных людей. Действительно, стало страшно, что город, в котором ты вырос, вдруг стал чужим, буквально, в течении одного дня. Я тогда еще не понимал: бабушка повела меня обходными путями, через дворы, на всякий случай, кто-то мог бы узнать, и тогда последствия могли быть самыми непредсказуемыми.

Через день-два обстановка сильно накалилась. Я помню, как избили нашего соседа - дядю Жору, которому было уже за 60. Мой отец и отец моего друга были в поисках билетов на самолет или поезд — в принципе, уже было все равно, куда уезжать. Вечером отец вернулся с билетами на Минводы, а потом удалось достать билеты на Ереван. Я помню, когда мы подъезжали к аэропорту, там стояли отряды ОМОНа и спецназа. Они пропускали только тех, у кого были билеты. Мы летели стоя в самолете, как в автобусе, просто мест не было, даже стоячих. Это было 26 ноября 1988 года.

28 ноября я впервые пошел в школу в Ереване. Конечно, были трудности, незнание языка, но постепенно все стало на свои места.

В 1989 году, во время весенних каникул, мы снова вернулись в Баку, чтоб хоть какие-то вещи успеть перевезти. Наверное, эту неделю я запомнил лучше всего. Было такое впечатление... когда ты приезжаешь на улицу, на которой вырос, и чувствуешь враждебный взгляд.. Когда я вернулся, позвонил своему однокласснику. Не могу сказать, что он не хотел разговаривать, но общался напряженно. Может быть, он не виноват, возможно, он тоже чего-то боялся.. Не знаю (*вдыхает*).

По улицам проезжали автобусы, полные националистически настроенных молодчиков, которые размахивали флагами Азербайджана и, почему-то, Украины. Может быть, потому, что разница между азербайджанским и украинским флагами всего лишь в оттенках. На флаге Советского Азербайджана темно-синяя полоса, а на том же месте флага Советской Украины — голубая. В принципе, им, наверное, было все равно, чем махать. Когда мы вышли из школы, из автобуса сошел мой сосед-азербайджанец. Я не знал, хорошо ли, если он меня узнает, или не очень.

С одной стороны, если бы он меня узнал, это было бы хотя бы каким-то сигналом, что он не боится, по крайней мере, а с другой стороны — если бы он меня узнал... мало ли чем это могло бы обернуться... В дальнейшем уже освоился в Ереване, и то, что накопили с годами, пришлось оставить там. Ностальгии, как таковой, не испытывал, потому что считаю, что ностальгия — это чувство скуки не по улицам, зданиям, а окружению... А когда знаешь, что из родственников никого не осталось, а из друзей большинство разъехалось, особо и не скучаешь.

СЧАСТЛИВАЯ НАХОДКА

Карабахский дневник

Эту историю рассказала мне пожилая женщина, которая оказалась волею судьбы беженкой и вместе с другими беженцами-односельчанами нашла приют в одном из районов Армении. В те далекие годы, когда в их село пришло известие о наступлении врага, она быстро собрала свои пожитки, документы, детей и бежала из села, совершенно забыв о своих скудных сбережениях, которые лежали у нее в виде тайника в надежном месте. Вспомнила она о них в дороге, но уже было поздно. И, вот, уже спустя несколько лет после всех этих событий ее вновь потянуло в родное село. Село неоднократно переходило из рук в руки — то нашим, то азербайджанцам. От прежнего села мало что осталось — остались только обгоревшие стены, огород небольшой перед домом. Но все равно ее тянуло на родную землю.

И вот она, приехав в Степанакерт, опоздала на свой рейсовый автобус и решила переночевать на вокзале до следующего утра. Здесь ее увидела совершенно незнакомая женщина, которая, узнав, что пожилой женщине придется переночевать на вокзале, пригласила ее к себе домой — обогрела, приютила, накормила, и каждая из них рассказывала о своей жизни, о себе. Моя героиня тоже поведала ей свою историю, выразив тоску о своем старом доме. И во время рассказа она увидела в глубине дома пианино. Оно до боли напоминало ей пианино, которое было и у нее, купленное для своей внучки. Не хотела она расстраивать свою знакомую вопросами, откуда это пианино, могло ли быть это ихним пианино. Ведь хозяйка дома поведала ей, что ее сын участвовал в освобождении этого селения. Может быть, это пианино — трофей?

Наутро, набравшись смелости перед выходом из дома, все-таки моя попутчица спросила: «А откуда у вас это пианино?» И тут хозяйка дома сказала, что это пианино вынес ее сын из сгорающего дома из такого-то села. Тут моя попутчица поняла, что наверняка, это ее родное пианино. И она попросила за струнами, над педалями посмотреть, нет ли там тайника. Хозяйка удивилась, о каком тайнике идет речь, и все-таки выполнила просьбу своей гостьи. И, открыв на указанном месте, они обнаружили узелочек, в котором была горсточка золота — цепочки, колечки. До чего было удивление хозяйки и до чего обрадовалась ее гостья, невозможно описать. Ведь это был ее тот самый тайник, который она припрятала еще задолго до войны. Гостья была очень обрадована, а хозяйка дома ошарашена и в то же время тоже обрадована. Она обрадовалась за нее, за то, что нажитое честным трудом все-таки вернулось этой женщине. А гостья, в свою очередь, пожелала, чтоб это пианино принесло в ихний дом только радость и играло бы в радостные дни.